
РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на: Zavagno L. The Byzantine City from Heraclius to the Fourth Crusade, 610–1204: Urban Life after Antiquity. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – XIII, 226 p.

Александр Сергеевич Козлов

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
alarich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>*

Review: Zavagno L. The Byzantine City from Heraclius to the Fourth Crusade, 610–1204: Urban Life after Antiquity. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – XIII, 226 p.

Alexander S. Kozlov

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
alarich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>*

Историография свидетельствует, что в западном византиноведении давняя концепция упадка классической цивилизации в Средиземноморье все больше сменяется другим видением, которое часто характеризуется как парадигма «трансформации римского мира» (таково название солидной серии книг, стартовавшей как результат особой программы, профинансированной Европейским научным фондом в 90-е гг. прошлого века и весьма заметно повлиявшей на изучение Поздней Античности). Этот факт следует учитывать, констатируя, что Лука Заваньо, адъюнкт-профессор византиноведения на историческом факультете Билкентского университета (Турция), опубликовавший за последнее десятилетие несколько исследований по рассматриваемой теме, ныне издал монографию, которая по западноевропейским византиноведческим критериям вписывается в существующую парадигму классических исследований эволюции городской жизни восточной части Средиземноморья в Средние века. Посему методика изысканий заслуживает особого внимания.

В связи с этим также следует заметить, что Заваньо принадлежит к тем западным исследователям, которых город интересует не сам по себе, а как явление в широком и исторически конкретном контексте. В монографии красной нитью проводится мысль, что трансформация городского ландшафта с VII по XIII в. позволяет лучше понять изменения в центральном и провинциальном аппарате Византии, его финансовые механизмы, военные и церковные институты, а также экономические и социальные структуры (sic!).

В связи с этим имеет смысл заметить, что выход второго, дополнительного тиража рецензируемой книги (если учитывать, что первый тираж печатался в предыдущем году, а книга отнюдь не принадлежит к числу художественных бестселлеров), – явление нетривиальное. К тому же жанр презентуемой безусловно научной работы вроде бы неоригинален – синтетическая монография, предусматривающая, в первую очередь, апелляцию к многочисленным конкретным исследованиям на избранную тему¹. Но от среднестатистической историографической работы такого рода отличается капитальным научным

¹ Полагаю, что в современной отечественной медиевистике образцом подобного жанра можно назвать «Историю варварских государств» (2023 г.) Ю. Б. Циркина, а в антиковедении – его же двухтомник «Политическая история Римской империи» (2019 г.).

аппаратом, перманентными отсылками к мнениям конкретных авторов² – причем в формах, вполне доступных для восприятия широким кругом читателей.

Основы этой методики излагаются в главе «Византийский город: симфония в трех частях». Подходы автора монографии нацелены на изучение прежде всего различных *трансформаций* ландшафта, функций и структуры византийских городов в Малой Азии, на островах Эгейды и в континентальной Греции. Он настаивает на определении «византийского города» как многофункционального поселения, на эволюцию которого влияли динамичные отношения между его социальным составом и городскими структурами. Например, отмечается, что городские функции часто распределялись по разным местам (в Эпире епископства располагались в поселениях «гибридного» характера, сочетавших в себе признаки села / города). Вариативное использование общественных и частных сегментов городского пространства, прослеживаемое археологическими исследованиями в разных центрах, свидетельствует, по мнению Заваньо, о выживании городской жизни и противоречит идее о перманентном кризисе, который, вроде бы, начался в VII в.

Вторая глава «Историография византийского города: интерпретации, методология и источники» представляет собой подробный обзор дискуссий о судьбе городской жизни между VII и XIII веками на средиземноморском пространстве. Заваньо смело констатирует, что господствующее в настоящее время среди византинистов мнение о состоянии города в «темные века» противоречит идее упадка экономики и общественной жизни, характерного-де для того периода, поскольку включает город в более широкую перспективу длительного периода «адаптации». Исследователь поясняет, что эта «адаптация» подразумевает взаимодействие между центральной и местной администрацией, церковью, а также между урбанизмом внутренних районов империи и макроэкономикой всего Средиземноморского региона, в котором византийские города были связаны между собой. Переход от одного типа урбанизма (римского) к другому (ранневизантийскому), по мнению исследователя, был сформирован системами обмена всего средиземноморского масштаба точно так же, как это было присуще генезису и эволюции итальянских торго-

² В качестве примера приведу сюжеты, касающиеся истории весьма знакомого российским специалистам византийского центра – средневекового Херсона. Наиболее интригующе выглядит (со ссылкой на работу 1993 г. П. Магдалино) весьма сомнительный тезис, гласящий, что Херсон, Монемвасия и Атталия – пример развития городов, которых миновали результаты Четвертого крестового похода, а значит – и последствия венецианской и генуэзской колонизации (р. 37). В связи с этим примечательно кажется, что в одной из своих статей сам Заваньо признается – стены Херсона напоминают ему укрепления Монемвасии и Амастриды (р. 10). Это наблюдение, минуя изрядное число страниц, объективно дополняется апелляцией к опубликованной Н. А. Алексеевко печати конца XI в., свидетельствующей о перевозке зерна между Амастридой и Крымом (р. 97). Со ссылкой на монографию 2007 г. А. Лайу и С. Моррисон констатируется экспорт в Херсон, Коринф и даже в Центральную Азию качественной черепицы, изготавливаемой в Константинополе и Нике (р. 100). Заваньо уверенно присоединяется к мнению специалистов, считающих (на основании новых методик исследования) сокращение чеканки монеты в Константинополе, Херсоне, Сиракузах в «темные века» отнюдь не солидным аргументом в пользу тезиса о деградации городов (аргументом, приводимым К. Манго, А. Лайу, а в наши дни – С. Моррисон). Заваньо основывается на новейших публикациях данных раскопок, прежде всего на Кипре, Крите, Сицилии и Сардинии, свидетельствах того, что островные города оказывались вторыми (после Константинополя) по значимости центрами чеканки медной монеты. Особенно восхищают исследователя данные раскопок Амория, где фиксируется относительно высокий уровень развития даже в VIII–IX вв. (р. 49). Отсюда примечательна апелляция к фактам, сообщаемым Ф. Курта (публикация 2016 г.), о высоком развитии в средневизантийское время экономики Гортины, Амория, Херсона, Бутринта и Неаполя (р. 58). Изыскания, осуществленные Курта, при их сравнении с исследованиями уличной сети и стен Сикиона (в основном труды Э. Айвисона), а также Фессалоники и Коринфа (труды М. Декера) позволили не только увидеть соответствующие аналоги в топографии Херсона и Гортины, но и говорить о крайней живучести инфраструктуры этих городов (р. 90). Отмечу, что подобная методика компаративного анализа топографии центров, принадлежащих, мягко говоря, к весьма разным регионам, характерна и для недавней капитальной книги А. В. Понт, сравнивающей сходным образом позднеантичные полисы Малой Азии и Северной Африки [3, р. 20–21, 113–124, 203–232]. По сути, отрицание такой методики (впрочем, нестрогое) можно увидеть в недавней работе З. Демирель-Гёкалп и Н. Тсвикиса [2, р. 325–344]. Немного раньше этот же подход к проблеме продемонстрировал Дж. Кроу [1, л. 65–68].

вых городов-государств. Этот процесс, считает Заваньо, был не упадком, а трансформацией, о чем говорят археологические исследования, свидетельствующие о развитии ремесленной и коммерческой деятельности в таких городах, как Коринф, Фивы, Монемазия или Афины.

В связи с этим особой проблемой оказывается значение терминов, применяемых в источниках к византийским центрам, таких как *λόγος* и *κάστρον*. Наличие епископств, считает Заваньо, было определяющим для полиса, даже если поселение находилось в упадке, в то время как дефиниция *κάστρον* (в использовании после VII в.) была применима для любого укрепленного административного или военного центра. Присутствие епископа или церкви с мощами святых покровителей способствовало устойчивости и развитию городской жизни. Считалось, что они давали духовную защиту городам, чьи стены, построенные во многих случаях из повторно использованного камня и не всегда возводимые в ответ на какие-либо нападения, свидетельствуют о необходимости обеспечения безопасности для городского сообщества нового типа. Следует обратить особое внимание на следующее принципиальное суждение Заваньо – некоторые данные о городской жизни периода «темных веков» были предоставлены агиографиями, но прогресс археологических исследований в настоящее время предлагает иной взгляд, чем тот, который был предложен А. П. Кажданом в 1954 г., а именно на упадок и возрождение городов в рамках феодальной системы. Но из списка использованной Заваньо литературы (так же как из соответствующих ссылок) видно, что он использовал лишь несколько англоязычных работ Каждана (русскоязычные исследования в рецензируемой книге не упоминаются вообще). Иначе пришлось бы указать, что концепцию *возрождения* города в обстановке складывания в Византии феодализма по своему презентовали также Е. Э. Липшиц, З. В. Удальцова, Г. Л. Курбатов и другие советские ученые. К тому же приводимые Заваньо данные археологии к феодализму, так же как и к отсутствию онога (в трактовке Каждана), привязать трудно. Конечно, уменьшение количества монет свидетельствует не столько о крахе города, сколько о меньшей потребности в наличных деньгах в новом типе расчетов (и в новом типе военной организации – в форме фемных ополчений, как это было продемонстрировано М. Хенди). Можно также согласиться с тем, что изучение сегодня византийского керамического производства VIII–IX вв. показывает если не процветающую экономику, то ее медленный подъем с IX в., причем экономику, интегрированную в средиземноморское пространство, что противоречит катастрофическому видению, поддерживаемому, например, К. Фоссом. Именно об этом еще с 1960-х гг. писал М. Я. Сюзюмов, но работы Сюзюмова Заваньо также неизвестны.

Абсолютно верно, что в настоящее время обширные раскопки и усовершенствованные исследования керамики позволяют лучше понять византийскую городскую экономику. Но можно ли приведенные факты подобного рода считать аргументом за или против наличия генезиса феодализма как причины возрождения городов? – в трактовке итальянским специалистом старых тезисов Каждана. Здесь опять-таки уместно указать на верный (обоснованный еще опять-таки Сюзюмовым) тезис, что выживанию городской жизни способствовало прибрежное положение многих центров, которое давало этим городам возможность принадлежать к тому, что можно было бы назвать византийским *κοινὴ*. Заваньо приводит также много фактов в пользу того, что развитию городских центров, ко всему прочему, способствовало присутствие в них архонтов, местных аристократов, которые строили церкви, монастырские комплексы и другие здания. Опять-таки верно отмечается, что потребность всех этих лиц (мы бы сказали – лиц непроизводственных профессий) в различных товарах определила рост торговли и кустарной деятельности в городах. Однако суждение Заваньо об определенном влиянии на эту эволюцию со стороны итальянских городов-государств требует серьезного хронологического и содержательного уточнения.

В этом отношении обращает на себя внимание глава 3 «Урбанизм в центре Византии и прибрежной / островной общности», где эволюция городской жизни в трех регионах

(Анатолии, центре Эгейского моря и на островах или других прибрежных территориях) рассматривается при комбинировании данных письменных и археологических источников – методика, традиционная для подобной тематики, но подразумевающая изрядный плюрализм подходов. Например, абсолютно верно, что в Анатолии одним из наиболее хорошо исследованных городов является Аморий, значение которого как места постоянного проживания возросло после середины VII в. в связи с потребностями обороны от нападений арабов. Но если говорить об обобщении всех имеющихся на сегодня археологических данных, абсолютно уверенными можно быть лишь в том, что верхняя часть города, вскоре восстановленная после осады 838 г., оставалась важным военным и экономическим центром вплоть до экспансии сельджуков.

В той же мере археология показывает, что другой город Анатолии, Анкира, также демонстрирует устойчивость городской жизни после серьезного арабского нападения в 838 г., – в то время как развитие Амастриды выигрывало от морского сообщения³. Другими анатолийскими центрами с достойным уровнем (*decent standard*) городской жизни (приводимая Заваньо аргументация здесь особенно убедительна) были Никея, Эфес и Аталия⁴. Фессалонике закономерно уделяется особое внимание. Заваньо впечатлен мощью ее укреплений (несколько раз ремонтировавшихся после землетрясений), а также «процветающей экономической жизнью», обеспечиваемой, в том числе, наличием превосходной гавани и притоком паломников. Эффектно привлечены соответствующие данные из «Чудес св. Димитрия», из Камениаты и др. Справедливо отмечается, что процветание города возросло, когда были установлены мирные отношения с болгарами, для которых этот центр был рынком сбыта (р. 113).

Не менее важными представляются наблюдения относительно значимости ряда центров Средней Греции. Сделаю акцент на следующих констатациях: 1) Уступая по значимости Фессалоникам, Коринф также был перекрестком сухопутных и морских путей, что помогало его процветанию в ранний и средневизантийский периоды, – особенно как производственного центра; 2) Афины и Фивы были менее значимы, проявляли себя прежде всего как административные и духовные центры, – но и производственная деятельность этих городов документирована литературными источниками и археологическими открытиями последних десятилетий.

К категории «особый случай» (*a special case*) Заваньо относит Монемвасю, основанную в VII в. как убежище и благодаря своему географическому положению ставшую важным центром на морском пути между Центральным и Восточным Средиземноморьем, приобретает не только военное, но и «коммерческое значение». К той же категории городов, оказывается, тяготеют ряд островных центров – Гортин, Элевтерна (Крит), Саламин (Кипр), Сиракузы, Катания, Палермо (Сицилия), Кальяри (Сардиния). Не менее впечатляющим оказывается в этом ключе сравнение таких «городов побережья» как Диррахий, Бутринт (Далмация) и Херсон (Крым) (р. 112, 144–146). Все эти центры, подпадающие под понятие *a special case*, являются таковыми потому, что принадлежали к *koine of the other sea* («койне иного моря»), иначе говоря – к «фрагментированной периферии византийского пространства», которая в разной степени находилась под контролем империи. По мнению Заваньо, фрагментация морских путей (после VII в.) и рейды арабов в определенной мере повлияли на экономическую жизнь этих городов, но функции последних, включая ремесленное производство (гончарное дело, металлообработка, строительство), никуда не делись.

Соображения о факторах устойчивости городской жизни даже в VII–IX вв., устойчивости, подтверждаемой прежде всего данными археологии, исследователь высказывает

³ Примечательно, что ссылаясь в данном случае на археологические данные, представленные Фоссом, Заваньо не утруждает себя анализом пусть скудных, но ярких сведений «Жития Георгия Амастридского» (р. 97–99).

⁴ Очень интересно (правда, не сопровождаемое аргументацией) суждение о том, что даже в XI в. константинопольская знать своими «инвестициями» «проявляла интерес» к городам Вифинии (р. 100).

в «Заключении» (р. 169 sq.). Основное место среди причин выживаемости урбанизма отводится присутствию в городах *secular and ecclesiastic elites* («светской и церковной элиты»), – мысль сама по себе не новая и в известной степени имевшая место даже в марксистской византистике (где речь, правда, шла больше о «лицах непродуманных профессий»). Следует отметить, что какой-либо четкостью обрисовка социального облика названной элиты в монографии не отличается. Тем более, что Заваньо то и дело говорит не о светских и церковных элитах, а о светских и церковных властях, а также о наличии в городах интересов «местных землевладельческих элит» (*local landowning elites*). Полагаю, вряд ли уместно применять подобную терминологию как универсальную в одинаковой степени к византийскому городу «темных веков» и городу X–XII столетий.

Если на основании всего сказанного характеризовать смысл монографии Званьо, то она производит впечатление прежде всего всестороннего критического обзора исследований города классической Византии. Масштаб охвата таких исследований виден хотя бы по обширным библиографиям, прилагаемым к каждой главе. Безусловно, автору удалось собрать солидный объем данных по разным регионам Византии. Однако использование этих данных для демонстрации своего, авторского подхода к проблеме непрерывности городской жизни в империи ромеев оригинальностью не отличается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crow J. Introduction (to 'The Byzantine City and the Archaeology of the Third Millennium' Plenary Session) // *Proceedings of the 23rd international Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August 2016. Plenary Papers* / Ed. S. Marjanović-Dušanić. Beograd, 2016. P. 65–68.
2. Demirel-Gökalp Z., Tsivikis N. Understanding Urban Transformation in Amorium from Late Antiquity to the Middle Ages // *Proceedings of the 24th International Congress of Byzantine Studies, Venice and Padova, 22–27 August 2022. Plenary Papers* / Eds. E. Fiore, M. Trizio. Venice, 2022. P. 325–344.
3. Pont A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin*. Genève, 2020. XIII, 585 p. (*Hautes études du monde gréco-romain*, 57).

REFERENCES

1. Crow J. Introduction (to 'The Byzantine City and the Archaeology of the Third Millennium' Plenary Session). Marjanović-Dušanić S. (Ed.), *Proceedings of the 23rd international Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August 2016. Plenary Papers*, Beograd, 2016, pp. 65–68.
2. Demirel-Gökalp Z., Tsivikis N. Understanding Urban Transformation in Amorium from Late Antiquity to the Middle Ages. Fiore E., Trizio M. (Eds.), *Proceedings of the 24th International Congress of Byzantine Studies, Venice and Padova, 22–27 August 2022. Plenary Papers*, Venice, 2022, pp. 325–344.
3. Pont A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin*. Genève, 2020, XIII, 585 p. (*Hautes études du monde gréco-romain*, 57).

Информация об авторе

Козлов А. С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, AuthorID: 769136.

Author information

Kozlov A. S. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.